

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИИ

УДК 308

Труднодоступные респонденты: опыт формирования выборки*

М. Н. Яшина¹, Е. В. Шишкина¹, К. Ю. Белоусов²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,

Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

² Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования,

Российская Федерация, 191002, Санкт-Петербург, ул. Ломоносова, 11–13

Для цитирования: Яшина М. Н., Шишкина Е. В., Белоусов К. Ю. Труднодоступные респонденты: опыт формирования выборки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2024. Т. 17. Вып. 2. С. 126–140. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.201>

Статья посвящена описанию проблем отбора информантов-мужчин, воспитывающих детей до 18 лет, в качественном исследовании. Материал статьи основан на анализе исследовательского опыта авторов, а также на теоретической проработке категории «труднодоступная группа». Проанализирован опыт работы с тремя группами информантов — одинокие отцы, отчимы, отцы из числа выпускников детских домов. Их представители рассматриваются как труднодоступные, скрытые, уязвимые. Одинокие отцы относятся к малочисленной группе, вместе с тем она более институциализирована, чем другие группы отцов, что значительно облегчает поиск ее представителей, позволяя реализовать метод отбора на базе учреждений. Для отчимов характерна высокая гетерогенность и сложности с идентификацией. Сензитивность темы исследования предполагает высокий уровень доверия к тем, через кого устанавливается контакт. Отцы — выпускники детских домов являются малочисленными, сложно-идентифицируемыми, уязвимыми. Эти особенности нашли отражение в способах построения выборочной совокупности — с приоритетным выбором комбинированных стратегий. Авторы дают подробное описание особенностей рекрутинга и стратегий по поиску информантов, рассматривая специфику отбора на базе разных типов учреждений, целевого отбора через социальные сети исследователей, метода снежного кома. Анализируются барьеры, которые возникают при отборе разных групп информантов-мужчин, в частности количественный состав группы, физическая сосредоточенность, уровень институциализации, доверия. Дается характеристика факторов, повышающих

* Статья выполнена за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00770, <https://rscf.ru/project/23-18-00770/>.

эффективность набора информантов для каждой из групп, и факторов риска, в том числе связанных с мотивацией участников и ролью самого исследователя.

Ключевые слова: труднодоступные группы, скрытые группы, уязвимые группы, мужчины, одинокие отцы, отчимы, отцы — выпускники детских домов, метод набора на базе учреждений, целевой отбор.

Введение

Понятие «труднодоступная группа» применительно к социологическому исследованию чаще всего ассоциируется с общностями, обладающими специфическими чертами и практиками поведения. Но в условиях возрастающей атомизированности индивидов и при наличии дополнительных технических средств защиты, позволяющих фильтровать запросы, поступающие извне, будь то телефонные обращения, интернет-коммуникация, звонки через домофоны, закрытые территории и другие способы охраны приватности частной жизни, сложности с доступом к потенциальным респондентам приобретают массовый характер. Подобные ограничения могут приводить к смещению выборочной совокупности, сложностям реализации случайного отбора, возникновению систематической ошибки из-за недостаточного учета некоторых групп населения, превалированию излишне общительных участников, которые по своим характеристикам не обязательно идентичны тем, кто не хочет участвовать в исследованиях.

Однако, когда речь заходит об изучении семей с детьми, считается, что проблем с доступом к потенциальным участникам быть не должно: генеральная совокупность большая, максимально институционализована через включение в системы образования и здравоохранения. Но как только происходит конкретизация целевой группы с заданными в рамках исследования характеристиками, иллюзия доступности исчезает.

Обсуждение семейной проблематики традиционно считается прерогативой женщин, более вовлеченных в родительские практики, мужчинам в этом вопросе отводится второстепенная роль. Развитие тренда большей физической и эмоциональной включенности мужчины в жизнь ребенка и семьи способствует переосмыслению роли отца как самостоятельного субъекта. Об этой субъектности свидетельствует опыт исследовательского коллектива, реализующего с 2019 г. проекты по тематике отцовства, в том числе вовлеченного, в современной России.

Целью статьи является анализ барьеров, которые возникают при поиске участников, обладающих заданными в рамках исследования характеристиками. В частности, рассмотрены трудности с установлением контакта с мужчинами, имеющими несовершеннолетних детей, а также предложено обсуждение проблем применения разных типов формирования выборок для этой популяции в качественных исследованиях.

Обзор научной литературы по теме исследования

Концепт «труднодоступная группа» (hard-to-reach populations) распространен в сфере общественного здравоохранения, социальной работы, социологических и демографических исследований. Специфика его применения многообразна:

от характеристики доли сообщества в генеральной совокупности до описания индивидов и групп.

В англоязычной литературе этот термин используется как обобщающее понятие наряду с такими, как «скрытая группа» (hidden populations), «уязвимая группа» (vulnerable populations), иногда к подобному типу групп относят и «редко участвующие группы» (seldom-heard populations).

Наиболее широкие коннотации связаны с прилагательным «труднодоступный». С его помощью описываются в первую очередь группы, с которыми трудно установить контакт и/или которых сложно привлечь к участию на основании некоего объединяющего сообщества критерия, способствующего причислению той или иной группы к труднодоступной, чаще всего демографического или поведенческого. Этот термин применяют также к религиозным, этническим, культурным меньшинствам, группам, не желающим продемонстрировать свою идентичность, представителям маргинальных и стигматизированных групп [1–3]. В этих случаях понимание труднодоступности расширяется за счет учета дополнительных факторов и включения в него других видов групп, в том числе скрытых и уязвимых. Но любая из групп может не являться гомогенной — в ней могут существовать более доступные представители и те, с кем связаться значительно труднее [4].

Представителями скрытой группы являются те, кто не желает раскрывать свой статус. Несмотря на то что скрытые группы причисляют к труднодоступным, они обладают собственной спецификой, способной оказывать влияние на результаты исследования. Нежелание открыто демонстрировать свой образ жизни способствует тому, что представители этой группы не только отказываются участвовать в исследованиях, но также могут уклоняться от ответов на определенные вопросы, а также давать ложные ответы или намеренно лгать исследователям [5]. Основная сложность при изучении таких групп состоит в том, чтобы определить принадлежность респондента к целевой группе и установить соответствующие критерии включения в выборку исследования. Наличие скрываемых параметров становится особенно актуальной проблемой для исследователя в случаях, если он не имеет возможности физического доступа к группе или представители группы не образуют социальную сеть.

Выявление уязвимых групп представляет собой особую задачу для исследователя. Факторы, свидетельствующие об уязвимости, сильно разнятся. Ключевым выступает правовой аспект, связанный с ограничениями в реализации индивидом гарантированных ему прав. Помимо внешних условий, вызывающих состояние уязвимости, выделяют также индивидуальные особенности конкретной личности, способствующие усугублению или препятствующие развитию уязвимого положения: наличие/отсутствие дискриминации или стигматизации, бедность, риск оказаться в более тяжелых жизненных условиях по сравнению с текущей ситуацией, усилия по управлению риском [6]. В силу того, что ни один международный договор не отвечает на вопрос, что такое уязвимость, не дает нормативного определения перечисленных категорий населения как уязвимых групп и не содержит исчерпывающего перечня этих групп или критериев, позволяющих отнести группы непосредственно к числу уязвимых [7], понятие уязвимости носит оценочный характер. В этом случае исследователь вынужден выделять критерий, на основании которого индивид или группа населения могут быть отнесены к категории уязвимых.

Существует и иное видение проблемы определения труднодоступных групп, основанное на том, что их нет, но существуют сообщества, для достижения которых необходимо затратить больше материальных и временных ресурсов и проявить «креативность в работе с этими группами» [3]. При подобном подходе необходимо выделить отличительные характеристики подгрупп, которые интересуют исследователя, степень гомогенности сообщества, определить мотивацию участия в исследовании, проанализировать успешные приемы доступа в поле.

Основными маркерами, позволяющими исследователю понять, столкнется ли он с потенциальными проблемами при отборе участников из генеральной совокупности, могут быть следующие:

1. Принадлежность к мини-группе. Всю совокупность населения можно условно разделить на основные группы, составляющие более 10 % от общей численности населения, второстепенные (от 1 до 10 %) и мини-группы (менее 1 % от общей численности населения) [8]. Помимо малого количества представителей целевой общности, затруднять поиск может то, что они не выделяются из общей совокупности своими социально-демографическими признаками. Поиск по специфическим характеристикам требует дополнительных ресурсов [9].

2. Установка на сокрытие своей принадлежности к группе. В основе нежелания респондента раскрывать свой статус могут быть как психологические, так и поведенческие особенности. Дополнительным фактором, затрудняющим установление контакта с потенциальным участником, является наличие подобной установки у членов семьи или близких людей на неразглашение той или иной информации о нем [9; 10].

3. Реализация стигматизирующих практик и как результат порицание со стороны других членов общества. Наличие стигмы в обществе по отношению к той или иной группе вводит ее в разряд труднодоступных, но и само использование термина для выделения группы из схожих уже потенциально ее стигматизирует [1; 11].

4. Наличие ряда параметров, значительно усложняющих установление контакта. К ним могут относиться высокая мобильность, сверхзанятость, высокой/низкий социальный статус, отсутствие современных средств коммуникации, проживание в отдаленных местах со сложной транспортной доступностью, исключенность из социальных институтов [12; 13].

5. Демонстрация высокого уровня недоверия, наличие предубеждений в отношении изучения общественного мнения. Как правило, таких участников больше волнуют проблемы безопасности и анонимности в процессе исследования.

Дополнительными препятствиями к построению коммуникации являются: недостаточно развитый навык описания и анализа собственного опыта, сензитивность темы исследования, принадлежность к стигматизируемой группе [14; 15].

В зависимости от контекста функционирования группы и набора параметров, значимых для исследователя, потенциально любое сообщество может оказаться труднодоступным. Отнесение отцов-одиночек, отчимов и отцов из числа выпускников детских домов к труднодоступным было обусловлено несколькими причинами: малочисленность, отсутствие физической сосредоточенности, а также общего интереса — факторов, служащих для объединения группы, низкая институционализация, низкий уровень доверия к социальным институтам. Доступ к группам, в которых хотя бы один из параметров относительно высок, легче организовать, а также проще убедить их членов принять участие в исследовании.

Исследуемые типы отцов сложно идентифицировать извне, во-первых, из-за меньшей артикулированности статуса отца в семейных взаимоотношениях, во-вторых, наличия установки на нежелание раскрывать семейные нюансы ради сохранения тайны личной жизни. Это создает необходимость предварительного знакомства с историей семьи, то есть вторжения в приватность объекта, увеличения сензитивности темы исследования. Проблема доступности может осложняться также присутствием агента социального контроля в лице членов семьи. Все эти факторы позволяют говорить о мужчинах-отцах как о скрытой группе.

Рассмотрение отцов как представителей уязвимой группы было осуществлено на том основании, что существуют вопросы юридического характера, связанные с формальными статусами в семье, которые могут иметь последствия для участников, особенно для ребенка, а также с учетом боязни мужчин подвергнуть ребенка стигматизации. Особенно остро вопросы уязвимости стояли для участников с дополнительными факторами риска, такими как низкое материальное положение, опыт миграции, постразводная ситуация.

На начальном этапе реализации исследования по проблематике вовлеченного отцовства мы исходили из условия, что сообщество отцов неоднородно, в каждой из групп отцов факторы труднодоступности, закрытости и уязвимости могут быть по-разному скомбинированы, поэтому в целом они представляют собой континуум от малодоступных до относительно доступных и открытых к общению участников. Целью было достижение гетерогенности в каждой из подвыборок, для чего использовались различные стратегии подбора информантов.

Способы формирования выборочных совокупностей в разных группах

Одинокие отцы. Первоначальными сложностями при отборе группы одиноких отцов считались ее труднодоступность из-за принадлежности к минигруппе в связи с маленьким количеством подобных семей и высокой степенью сензитивности темы, а именно с необходимостью обсудить вопросы родительских практик, учитывающих жизненный опыт информанта, связанный со смертью жены, разводом или лишением матери родительских прав. Ожидания, что смерть жены и матери является более эмоционально-травмирующим фактором для мужчины, чем развод, не оправдались. Безвременная кончина близкого является, несомненно, трагическим событием, но по истечении времени она воспринимается как свершившийся факт, тогда как постразводная ситуация для мужчин переживается эмоционально сложнее.

Нюансом в определении объектов, относящихся к исследуемой группе, стали юридические тонкости семейных взаимоотношений. В обыденном языке многие понятия, связанные с семьей, трактуются в обобщенном формате. По отношению к одиноким отцам в законодательных актах нет официального определения понятия «одинокий отец» или «одинокий родитель». Основным признаком одинокого отца является отсутствие второго родителя в случаях, когда мать умерла или признана умершей через суд, лишена родительских прав, безвестно отсутствует и т. п. Ситуации, когда родители не проживают совместно и мать не участвует в воспитании ребенка, не являются основанием для получения статуса одинокого родителя.

Также у одинокого отца не должно быть новой супруги. Он должен проживать вместе с ребенком и самостоятельно его воспитывать, а ребенок, в свою очередь, должен быть официально признан родным или усыновленным этим мужчиной. Столь строго к пониманию одинокого отца в исследовании не подходили. Критериями отбора служил в первую очередь не юридический статус, а наличие опыта воспитания ребенка/детей без матери от 1 года. Возраст отцов, подходящих для интервью, был определен до 45 лет. В результате по формальным критериям к одиноким отцам относились только половина проинтервьюированных. Остальные состояли в разводе, то есть реализовывалась практика добровольного отказа матери от родительства и установления места жительства детей после развода в пользу отцов.

Предполагалось использовать несколько стратегий набора информантов: через социальные сети, на базе учреждений, методика снежного кома. Их планировалось использовать параллельно.

Наиболее результативным стал метод отбора информантов на базе учреждений благодаря высокой включенности их в сферу социальной помощи. Ситуация потери матери или непроживания с нею является достаточно специфической и становится маркером, выделяющим ребенка среди остальных. Как правило, об изменении семейного положения становится известно достаточно быстро, особенно в ситуации смерти матери, когда отец должен собрать документы для оформления положенных льгот. Информация о семье с несовершеннолетним ребенком, оставшимся без матери, становится известной организациям, обеспечивающим образование (школа, детсад) и оказывающим социальную поддержку. Информированность образовательного учреждения о ситуации в семье ребенка отражается и в официальной статистике. Например, школы составляют «Социальный паспорт школы» с информацией о ее контингенте, в котором содержатся данные о количестве многодетных, малообеспеченных, неполных семей вследствие потери кормильца, о количестве обучающихся, находящихся под опекой.

Также мужчины могут сами обратиться в центры социальной помощи в поисках правовой и психологической помощи, что создает условия для физической сосредоточенности объекта исследования в определенном месте. Несмотря на то что одиноких отцов не так много (в Петербурге, например, в 2021 г. электронный социальный регистр зафиксировал 4079 таких отцов, в 2022 г. — 4104 семьи) [16]. В Петербурге работает несколько центров, ориентированных именно на эту группу населения, — это отделение одиноких отцов Центра социальной помощи семье и детям Московского района Санкт-Петербурга, «Папа-школа», центр «Радомир», фонд «Отцовство». Оказывается социальная поддержка и со стороны религиозных организаций.

Формирование выборки с помощью метода снежного кома и поиск через социальные сети не продемонстрировали ожидаемой результативности, несмотря на то что это часто применяемые способы рекрутинга для труднодоступных групп [17]. Мужчины, оказавшиеся в роли монородителя, не стремятся к поиску тех, кто оказался в схожей ситуации. Даже среди участников групп поддержки не возникают устойчивые связи, позволяющие реализовать метод снежного кома. Они ориентируются на внутрисемейные ресурсы, а при их недостаточности — на образовательные и социальные учреждения.

Отчимы. Опираясь на ранее полученный опыт поиска одиноких отцов, группа мужчин-отчимов на начальном этапе казалась с количественной точки зрения

более простым объектом поиска. Официально закрепленного понятия «отчим» в законодательстве нет, в повседневной жизни отчимом называется мужчина, проживающий вместе с детьми супруги. Вместе с тем «правовой статус мачехи (отчима) возникает только после заключения брака в органах записи актов гражданского состояния (статья 10 Семейного кодекса РФ), что является единственным юридическим фактом, на основании которого вышеуказанные лица приобретают свой статус» [18]. Несмотря на то что факт совместного проживания один из ключевых, позволяющих рассматривать отношения как семейные [19], он не означает возникновения обязательств относительно содержания и воспитания пасынка (падчерицы), а осуществляется исключительно добровольно. От столь жесткой трактовки было решено отойти, чтобы избежать проблемы труднодоступности группы. В исследовании отчимов акцент был сделан на мужчинах в возрасте до 38 лет, состоящих в брачном союзе или сожительстве с женщиной, имеющей ребенка или детей от предыдущих отношений, и на наличии в новой семье общего ребенка или детей. Введенные ограничения переместили все же группу отчимов в труднодоступные из-за нескольких параметров. Во-первых, возраст отчимов. В исследовании было важно проанализировать феномен отцовства в молодых семьях. Вторым дополнительным ограничением стало наличие общих детей. Это связано с возрастными рамками: часто семьи не успевают обзавестись собственным ребенком, — и с особенностями реализации мужчинами родительских установок. Для части потенциальных информантов новый брак не является первым, и в предыдущих отношениях ребенок или дети уже есть. В силу этого насущной потребности у обоих родителей в совместных детях нет. В результате потенциальная генеральная совокупность заметно сузилась.

Первоначально планировалось использовать выборку на базе учреждений. Идея поиска через различные организации представлялась эффективной по нескольким причинам. Семья, в которой один или оба родителя пережили развод и имели период самостоятельного воспитания ребенка, необходимости налаживать отношения в новой семье, в том числе и с неродным ребенком, потенциально нуждается в квалифицированной помощи. Обращения в специализированные центры по работе с семьей при поиске информантов не дали ожидаемого результата. Сводные семьи не являются основным объектом их деятельности, если только семья не обладает какими-то дополнительными депривирующими характеристиками или, будучи благополучной, по собственной инициативе ищет дополнительные средства получения консультативной помощи.

Поиск через детские сады и школы оказался сложно реализуемым из-за особенностей идентификации в смешанных семьях и продемонстрировал проблему конфиденциальности участников [15]. Если в ситуации с одинокими отцами школа в достаточной мере владеет информацией о составе семьи ребенка, то в отношении смешанных семей образовательные организации их официально не видят.

Смешанные семьи обнаруживаются только через неформальные взаимоотношения при повседневном общении учителей, социальных педагогов, педагогов-психологов с ребенком. Это происходит, как правило, на начальном этапе обучения, поскольку чем младше ребенок, тем больше внимания со стороны взрослых ему требуется. Именно больший контакт с семьями в младшей школе позволяет учителю быть лучше осведомленным о семье в целом. Высокая степень информированности

педагога о специфике состава семьи обеспечивается заполненной анкетой в личном деле ребенка, а также через заявление о том, кто из близких имеет право забирать его после окончания учебных занятий в школе. На основании этой информации и знания контекста, о котором рассказывает сам ребенок или родители, соседи семьи по дому, учителя могут владеть сведениями о составе семьи. Часто именно учитель (классный руководитель) является источником этой информации. Образовательному учреждению значимо наличие официального представителя ребенка, которым чаще всего является мать. Есть ли отец у ребенка, проживает ли он вместе с семьей — второстепенная информация, получением которой школа, как правило, не занимается. Состав семьи становится предметом возможного обсуждения в ситуации нахождения ребенка в социально опасном положении или, например, при совершении им правонарушения, когда служба сопровождения школы вынуждена собирать детальную информацию о семье.

Стремление к сохранению суверенитета между образовательной системой и родителями, при котором каждая из сторон выступает элементом социального контроля по отношению к другой [20] и не приветствует перехода из формальных отношений в неформальные, создает барьер для формирования доверительных отношений. В свою очередь со стороны детских садов и школ каких-либо мер поддержки или дополнительного внимания смешанным семьям не оказывается. В этих условиях наличие информации у воспитателя и учителя о смешанных семьях не позволяет ему стать связующим звеном в установлении контакта между потенциальным родителем-информантом и исследователем. Тем более что по большей части «женский профиль» детского сада и школы не предполагает прямого контакта с отчимом, в отличие от одиноких отцов, а приглашение принять участие в исследовании воспринимается как несанкционированное вторжение в личную жизнь.

Третьим типом учреждений для осуществления рекрутинга стали районные детские поликлиники. Этот тип по сравнению с уже упоминавшимися показал большую эффективность потенциального охвата целевой аудитории. На наш взгляд, причиной является как лучшая осведомленность участковых врачей и медсестер о составе семьи из-за собираемых в дородовый период данных, так и более активное взаимодействие с ней при получении медицинской помощи. Сотрудники медицинских организаций воспринимаются семьей, в первую очередь женщиной, как ресурс оказания помощи, а не социального контроля, что создает отличную от образовательных организаций систему доверия при взаимодействии.

Вторым способом стал целевой отбор через социальные сети исследователей, позволяющий преодолеть установку семьи относительно раскрытия своих характеристик. В этом случае проблема доступности отчимо в осложнялась необходимостью привлечения проводников, обеспечивающих доступ к полю. Можно выделить несколько способов рекрутинга, показавших разную эффективность. Самым результативным с точки зрения согласия на участие в исследовании были обращения непосредственно к потенциальному информанту самим исследователем или через проводника. На согласие принять участие не влиял пол того, кто именно просил информанта об интервью. Вторым способом было установление контакта с потенциальным информантом через супругу (сожительницу) или родственников, реже — общих знакомых. Именно они могли оказать влияние на решение мужчины участвовать в исследовании. Примерно в половине случаев мужчин информировали

о приглашении принять участие в исследовании, и большинство из них отвечало согласием. В остальных случаях потенциальных участников не осведомляли, так как решение принималось самим посредником в ходе предварительного диалога. Использование своеобразной «охранительной» стратегии в отношении своего супруга не означало отказа от участия в исследовании — женщины готовы были давать интервью, рассказывая и за себя, и за мужа. Интерпретируя такие отказы, мы склонны были видеть причину в том, что интервью проводилось женщинами. По мере накопления схожих ситуаций самое большое значение приобрел фактор доверия к человеку, через которого устанавливался контакт.

Отцы из числа выпускников детских домов. Группа отцов из числа выпускников детских домов также может быть отнесена к труднодоступным. Для них характерна установка на нераскрытие принадлежности к группе, с ними сложно установить контакт, они демонстрируют высокий уровень недоверия, так как члены группы скрывают / не хотят, чтобы они были идентифицированы тем или иным способом.

Выявление выпускников детских домов может осуществляться через институциональные структуры: центры помощи семье и детям, образовательные учреждения, муниципальные образования, а также через автоматизированную информационную систему электронного социального регистра населения [21]. Однако статус отцовства сужает данную систему до центров помощи семье и центров содействия семейному воспитанию (детские дома), поскольку они могут сохранять теплый контакт со своими выпускниками.

Отцы из числа выпускников детских домов — «невидимая» группа. В силу травмирующего опыта нахождения в системе большинство выпускников детских домов скрывают свой статус, внутренне отрицают принадлежность к данной группе. Поскольку точной информации о количестве отцов данной группы по Санкт-Петербургу, да и в России нет, мы исходили из установки опросить всех согласившихся на интервью выпускников. Их объединяет наличие позитивного опыта сотрудничества с центрами помощи семье и детям или некоммерческими организациями города, которые осуществляют социальное сопровождение выпускников детских домов. В ходе исследования апробирована стратегия набора респондентов через службы постинтернатного сопровождения и личные обращения через профили в социальных сетях по рекомендациям друзей, знающих о статусе сиротства. Были подготовлены официальные письма в данные организации, а также обращения в клубы выпускников детских домов.

Снежный ком как метод отбора респондентов часто не срабатывал, поскольку начало семейной жизни, а иногда и процесс начала трудовой жизни совпадает с обрывом прежних связей. Дополнительным барьером доступа к группе могла стать супруга, которая оказывала влияние на решение об условиях интервью, в том числе о его отмене даже в случае предварительной договоренности.

Попытки официальных запросов в социальные службы, занимающиеся сопровождением выпускников, не увенчались успехом из-за общей незаинтересованности в подобного рода исследованиях или непонимания практической пользы для себя / для выпускников. Из 11 писем-запросов ответ получен лишь от одной службы. Второй заход — обращение к коллегам, которые через личные контакты помогли с набором участников для проекта в силу наличия положительного опыта взаимодействия с данными структурами — оказался более действенным.

Соответственно, важно попытаться убедить проводников в поле в отсутствии вреда от исследования, и даже в пользе от него для участников изучаемой семейной ситуации. К примеру, была предложена возможность получить исследовательские отчеты, дано развернутое обоснование социально значимого результата участия в исследовании, мнения каждого выпускника детского дома, получившего опыт отцовства.

Заключение

В целом формирование выборочной совокупности у разных типов труднодоступных групп является творческой и гибкой процедурой, требующей учета нюансов и мотивации участников, а также рефлексивности и соблюдения этических норм со стороны исследователя. Несмотря на труднодоступность, уязвимость и скрытый характер проанализированных групп, можно выделить факторы, способствующие повышению эффективности набора информантов, и факторы риска, требующие внимания со стороны исследователей.

По результатам поиска информантов можно констатировать, что одинокие отцы являются труднодоступной, а в случае несоответствия юридическим тонкостям — и социально уязвимой, но не скрытой группой. Фактором, повышающим достижимость участников, является высокая степень институционализированности и легитимации, высокий уровень доверия к социальным институтам и сотрудникам учреждений, оказывающих содействие этим семьям. Помимо этого, значимую роль играют наличие проводников, признающих важной цель исследования и способствующих установлению доверительных отношений с исследователями, а также самостоятельность мужчин в вопросе принятия решения об участии в исследовании. Уровень доверия к посредникам, помогающим в установлении контактов, оказали сильное влияние на доступ к информантам, так как открытые социальные сети и мессенджеры, несмотря на позиционирование в них отцов как одиноких, не дали значимого результата из-за недоверия потенциальных респондентов к тем, кто к ним обращался.

Ограничением, сопутствующим применению метода набора на базе учреждений, является возможность распространения результатов исследований на неинституциональные группы населения. Подход, примененный при изучении одиноких отцов, на наш взгляд, не дает значительных искажений из-за того, что отбор велся через разные типы учреждений, в силу высокой институционализированности не только отцов в различных центрах помощи, но и их детей в школах, детских садах, поликлиниках. Поэтому удалось избежать смещения выборочной совокупности в сторону тех, кто получает социальную помощь. Плюсы набора через учреждения — в хорошей осведомленности о сопутствующих параметрах и возможности контролировать необходимые характеристики, приглашая к участию отцов, находящихся в разных социально-экономических ситуациях. Однозначно не охваченными остались только те семьи, которые не пользуются никакими государственными услугами для себя и своих детей.

Отчимы и отцы из числа выпускников детских домов являются представителями, в первую очередь, скрытой группы. Большинство из них не скрывают свой статус специально, но в силу меньшей легитимации семейных отношений

оказываются вне зоны видимости официальных структур и в ситуации низкого уровня доверия к ним, что влияет на готовность участвовать в исследованиях, особенно среди мужчин с невысоким социальным капиталом. В этих условиях наиболее эффективным стал целевой отбор через социальные сети исследователей.

Факторами, снижающими доступность информантов, стали гетерогенность выборочной совокупности из-за потенциальной множественности комбинаций взаимодействий между матерью, ребенком, отчимом и биологическим отцом, а также уровень дифференциации критериев отбора. Наименьшие сложности встречались при отборе семей, в которых связи с биологическим отцом не поддерживаются. При рекрутинге важно было знать только формальную информацию (возраст мужчины, наличие общего ребенка и ребенка/детей жены). В ситуации изучения более сложной системы взаимоотношений значительно возростала роль проводников, достаточно точно знающих ситуацию в семье. Как правило, это родственники или супруга, имеющие возможность использовать властный ресурс при взаимодействии с исследователем. Низкую результативность продемонстрировал метод снежного кома в исследуемых подгруппах из-за нежелания информантов раскрывать информацию о деталях семейной жизни среди своих знакомых.

Примененные способы отбора продемонстрировали смещение в сторону мужчин, которые активно участвуют в воспитании детей. Мужчины, выполняющие классическую роль добытчика в семье и отстраненные от процесса воспитания и ухода за детьми, ожидаемо не высказывали заинтересованность в участии, ссылаясь на отсутствие компетенций в изучаемом вопросе.

Фактором, повышающим достижимость информантов, стала гибкость в выборе метода сбора данных. Преимущество отдавалось личным интервью, но с учетом жизненной ситуации информантов и их уровня занятости, особенно среди отчимов, возможно было проведение опосредованного интервью с использованием телефонов и мессенджеров.

Вопросами, требующими особой рефлексивности со стороны исследователей, стали мотивирование потенциальных информантов к участию в исследовании и позиционирование самого исследователя. Стимулирование участия с помощью денежного вознаграждения является предметом обсуждения [2; 11; 22]. В целях соблюдения баланса между автономностью информанта и мотивацией к участию использовался подарок или вознаграждение, эквивалентное 500 рублям. Низкодоходные участники были мотивированы именно денежным вознаграждением, тогда как для мужчин с достатком выше среднего основной мотивацией было обсуждение семейных вопросов; наиболее явно этот мотив выражался у одиноких отцов, переживших развод. У отчимов сумма воспринималась исключительно как символическая, не являющаяся основным стимулом для участия в интервью.

В сборе данных принимали участие три исследователя — две женщины и мужчина. С точки зрения объекта исследования женщины были «сторонними» акторами, своеобразными аутсайдерами, несмотря на наличие опыта родительства и навыков проведения интервью. Особенно сильное влияние оказал пол в ситуации с разведенными отцами-одиночками, для которых половая принадлежность интервьюера выступала триггером, связанным с постразводной ситуацией. Рефлексия относительно существующих гендерных стереотипов, их проявление, а также

предварительное обсуждение целей интервью позволили снизить барьеры, связанные с гендерными различиями.

В исследованиях с участием мужчин, являющихся представителями труднодоступных групп, отмечается, что применение схожих стратегий не всегда приводит к одинаковым результатам [22], поскольку не существует универсального способа решения текущих вопросов без учета культурного и социального контекста, цели, объекта исследования, способа реализации выборочной совокупности. Успешная стратегия привлечения к участию в исследовании связана с необходимостью комбинировать приемлемые способы отбора информантов с анализом специфических характеристик целевых групп.

Литература

1. *Freimuth V. S., Mettger W.* Is there a hard-to-reach audience? // *Public Health Reports.* 1990. Vol. 105 (3). P. 232–238.
2. *Яковлева А. А.* Исследования в труднодоступных группах: опыт использования выборки, управляемой респондентом и выборки «место-время» // *Социология: методология, методы, математическое моделирование.* 2011. № 33. С. 57–79.
3. *Boag-Munroe G., Evangelou M.* From hard to reach to how to reach: A systematic review of the literature on hard-to-reach families // *Research Papers in Education.* 2012. Vol. 27 (2). P. 209–239.
4. *Brackertz N.* Who is hard to reach and why? // *ISR Working Paper.* URL: https://www.researchgate.net/publication/314283998_Who_is_hard_to_reach_and_why (дата обращения: 10.10.2023).
5. *Ellard-Gray A., Jeffrey N. K., Choubak M., Crann S. E.* Finding the hidden participant: Solutions for recruiting hidden, hard-to-reach, and vulnerable populations // *International Journal of Qualitative Methods.* 2015. Vol. 33; no. 13. P. 1189–1202.
6. *Несмеянова С. Э., Калинина Е. Г.* Концепция уязвимости отдельных групп лиц: международный и национальный опыт // *Конституционное право.* 2017. № 4. С. 7–12.
7. *Алисиевич Е. С.* К вопросу об определении понятия «уязвимые группы» в международном праве человека // *Евразийский юридический журнал.* 2013. № 1. С. 29–33.
8. *Kalton G.* Methods for oversampling rare subpopulations in social surveys // *Survey Methodology.* 2009. Vol. 35 (2). P. 125–141.
9. *Tourangeau R., Edwards B., Johnson T. P., Wolter K. M., Bates N., eds.* *Hard-to-Survey Populations.* Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
10. *Davies L.* Are young fathers “hard to reach”? Understanding the importance of relationship building and service sustainability // *Journal of Children’s Service.* 2016. Vol. 11; no. 4. P. 317–329.
11. *Bamidele O., McGarvey H., Lagan B. M., Chinegwundoh F., Nasreen A., McCaughan E.* “Hard to reach, but not out of reach”: Barriers and facilitators to recruiting Black African and Black Caribbean men with prostate cancer and their partners into qualitative research // *European Journal of Cancer Care.* 2018. 1–11. Article ECC12977. <https://doi.org/10.1111/ecc.12977>
12. *Елсукова Н. А.* Методология социологического изучения труднодоступных групп населения: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Минск, 2007.
13. *Brick J. M., Williams D.* Reasons for increasing nonresponse in U. S. household surveys // *Annals of the American Academy of Political and Social Science.* 2013. Vol. 645 (1). P. 36–59.
14. *Firchow P., Mac Ginty R.* Including hard-to-access populations using mobile phone surveys and participatory indicators // *Sociological Research & Methods.* 2017. Vol. 49 (1). P. 133–160.
15. *Ellis R.* What do we mean by a “hard-to-reach” population? Legitimacy versus precarity as barriers to access sociological methods and research // *Sociological Methods and Research.* 2023. Vol. 52 (3), August. P. 1556–1586.
16. В Санкт-Петербурге стало больше отцов-одиночек // *Федерал пресс.* URL: <https://fedpress.ru/news/78/society/3153811> (дата обращения: 15.10.2023).
17. *Gallegos D., Durham J., Rutter C., McKechnie R.* Working towards the active participation of underrepresented populations in research: A scoping review and thematic synthesis // *Health & Social Care in the Community.* 2023. Vol. 2023. Article ID 1312525. P. 1–26. <https://doi.org/10.1155/2023/1312525>
18. Суд уточнил, когда у пасынков возникает обязанность по содержанию мамах и отчимов // *Российское агентство правовой и судебной информации.* URL: https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20230515/308912100 (дата обращения: 17.10.2023).

19. *Зубарева О. Г.* Правовой статус пасынков (падчериц) и отчима (мачехи): условия реализации имущественных прав и обязанностей // Журнал российского права. 2006. № 3 (111). С. 111–120.

20. *Белоусов К. Ю., Матюшкина М. Д., Рыбаков В. В., Яшина М. Н.* Участие родителей в школьной жизни и их оценка качества образовательного процесса // Перспективы науки и образования. 2021. № 6 (54). С. 300–316.

21. *Агапова О. В., Нам И. П., Яни И. В.* Постинтернатная адаптация выпускников детских домов // Адаптация к условиям самостоятельного проживания выпускников организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник] / под ред. Ю.Ю. Ивашкиной, О.В. Костейчука. Вып. 4. СПб.: Городской информационно-методический центр «Семья», 2015. С. 104–111.

22. *Bonevski B., Randell M., Paul C., Chapman K., Twyman L., Bryant J., Brozek I., Hughes C.* Reaching the hard-to-reach: A systematic review of strategies for improving health and medical research with socially disadvantaged groups // *Medical Research Methodology*. 2014. Vol. 14, no. 1. P. 14–42.

Статья поступила в редакцию 10 января 2023 г.;
рекомендована к печати 28 апреля 2024 г.

Контактная информация:

Яшина Мария Николаевна — канд. социол. наук; mnya@mail.ru

Шишкина Евгения Владимировна — канд. социол. наук; zhenjash@yandex.ru

Белоусов Константин Юрьевич — канд. социол. наук; beloysov@mail.ru

Hard-to-reach respondents: Sampling experience*

M. N. Yashina¹, E. V. Shishkina¹, K. Yu. Belousov²

¹ St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

² Saint Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education,

11–13, ul. Lomonosova, St. Petersburg, 191002, Russian Federation

For citation: Yashina M. N., Shishkina E. V., Belousov K. Yu. Hard-to-reach respondents: Sampling experience. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2024, vol. 17, issue 2, pp. 126–140. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.201> (In Russian)

The article describes the problems of selecting male informants raising children under 18 in qualitative research. The material of the article is based on the analysis of the authors' research experience, as well as theoretical elaboration of the category "hard-to-reach group". The experience of working with three groups of informants — single fathers, stepfathers, and fathers from orphanage graduates — is analyzed. Their representatives are considered as hard to reach, hidden, vulnerable. Single fathers belong to a small group, but it is more institutionalized than other groups of fathers, which greatly facilitates the search for its representatives, allowing for the implementation of the selection method on the basis of institutions. Stepfathers are characterized by high heterogeneity and difficulties with identification. The sensitivity of the research topic implies a high level of trust in those through whom contact is established. Fathers who are graduates from children's homes are few, difficult to identify, and vulnerable. These features were reflected in the way the sample was constructed — with a prioritized choice of combined strategies. The authors provide a detailed description of the specifics of recruiting and strategies for finding informants, considering the specifics of selection on the basis of different types of institutions, targeted

* The article was supported by the grant of the Russian Science Foundation no. 23-18-00770; <https://rscf.ru/project/23-18-00770/>.

selection through social networks of researchers, and the “snowball” method. The barriers that arise in the selection of different groups of male informants are analyzed, in particular the quantitative composition of the group, physical concentration, level of institutionalization, and trust. Factors that enhance the effectiveness of informant recruitment for each group are characterized, as well as risk factors, including those related to the motivation of participants and the role of the researcher herself.

Keywords: hard-to-reach, hidden, vulnerable populations, men, single fathers, stepfathers, fathers from orphanages graduates, facility based sentinel surveillance, targeted sampling.

References

1. Freimuth, V.S., Mettger, W. Is there a hard-to-reach audience? *Public Health Reports*, 1990, vol. 105, no. 3, pp. 232–238.
2. Yakovleva, A. A. Research in hard-to-reach groups: experience with respondent-driven and place-time sampling. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskie modeli (Sotsiologia: 4M)*, 2011, no. 33, pp. 57–79. (In Russian)
3. Boag-Munroe, G., Evangelou, M. From hard to reach to how to reach: A systematic review of the literature on hard-to-reach families. *Research Papers in Education*, 2012, vol. 27, no. 2, pp. 209–239.
4. Brackett, N. Who is hard to reach and why? *ISR Working Paper*. URL: https://www.researchgate.net/publication/314283998_Who_is_hard_to_reach_and_why (accessed: 10.10.2023).
5. Ellard-Gray, A., Jeffrey, N. K., Choubak, M., Crann, S. E. Finding the hidden participant: Solutions for recruiting hidden, hard-to-reach, and vulnerable populations. *International Journal of Qualitative Methods*, 2015, vol. 33, no. 13, pp. 1189–1202.
6. Nesmeyanova, S. E., Kalinina, E. G. The concept of vulnerability of certain groups of persons: International and national experience. *Constitutionnoe Pravo*, 2017, no. 4, pp. 7–12. (In Russian)
7. Alisievich, E. S. On the definition of the concept of “vulnerable groups” in international human rights law. *Evrasiiskii iuridicheskii zhurnal*, 2013, no. 1, pp. 29–33. (In Russian)
8. Kalton, G. Methods for oversampling rare subpopulations in social surveys. *Survey Methodology*, 2009, vol. 35, no. 2, pp. 125–141.
9. Tourangeau, R. Edwards, B., Johnson, T. P., Wolter, K. M., Bates, N., eds. *Hard-to-Survey Populations*. Cambridge, Cambridge University Press, 2014.
10. Davies, L. Are young fathers “hard to reach”? Understanding the importance of relationship building and service sustainability. *Journal of Children's Service*, 2016, vol. 11, no. 4, pp. 317–329.
11. Bamidele, O., McGarvey, H., Lagan, B. M., Chinegwundoh, F., Nasreen, A., McCaughan, E. “Hard to reach, but not out of reach”: Barriers and facilitators to recruiting Black African and Black Caribbean men with prostate cancer and their partners into qualitative research. *European Journal of Cancer Care*, 2018, 1–11, article ECC12977. <https://doi.org/10.1111/ecc.12977>
12. Elsukova, N. A. *Methodology of sociological study of hard-to-reach population groups*: diss. thesis in sociology. Minsk, 2007. (In Russian)
13. Brick, J. M., Williams, D. Reasons for increasing nonresponse in U.S. household surveys. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 2013, vol. 645, no. 1, pp. 36–59.
14. Firchow, P., Mac Ginty, R. Including hard-to-access populations using mobile phone surveys and participatory indicators. *Sociological Research & Methods*, 2017, vol. 49, no. 1, pp. 133–160.
15. Ellis, R. What do we mean by a “hard-to-reach” population? Legitimacy versus precarity as barriers to access sociological methods and research. *Sociological Methods and Research*, 2023, vol. 52, no. 3, August, pp. 1556–1586.
16. Here are more single fathers in St. Petersburg. *Federal Press*. Available at: <https://fedpress.ru/news/78/society/3153811> (accessed: 15.10.2023). (In Russian)
17. Gallegos, D., Durham, J., Rutter, C., McKechnie, R. Working towards the Active Participation of Underrepresented Populations in Research: A Scoping Review and Thematic Synthesis. *Health & Social Care in the Community*, 2023, vol. 2023, article ID 1312525, pp. 1–26. <https://doi.org/10.1155/2023/1312525>
18. The court clarified when stepchildren have an obligation to support stepmothers and stepfathers. *Russian Agency for Legal and Judicial Information*. Available at: https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20230515/308912100 (accessed: 17.10.2023). (In Russian)
19. Zubareva, O. G. Legal status of stepsons (stepdaughters) and stepfather (stepmother): Conditions for the implementation of property rights and obligations. *Journal of Russian Law*, 2006, no. 3 (111), pp. 111–120. (In Russian)

20. Belousov, K. Yu., Matyushkina, M. D., Rybakov, V. V., Yashina, M. N. Parents' participation in school life and their assessment of the quality of the educational process. *Perspectives of Science & Education*, 2021, no. 6 (54), pp. 300–316. (In Russian)

21. Agapova, O. V., Nam, I. P., Yani, I. V. Post-international adaptation of graduates of orphanages. *Adaptation to the conditions of independent living of graduates of organizations for orphans and children left without parental care [Social services for families and children: A scientific and methodological collection]*, Yu. Yu. Ivashkina, O. V. Kosteychuk (eds). Vol. 4. St. Petersburg: SPbGBU "City information and methodological Center 'Family'", 2015, pp. 104–111. (In Russian)

22. Bonevski, B., Randell, M., Paul, C., Chapman, K., Twyman, L., Bryant, J., Brozek, I., Hughes, C. Reaching the hard-to-reach: A systematic review of strategies for improving health and medical research with socially disadvantaged groups. *Medical Research Methodology*, 2014, vol. 14, no. 1, pp. 14–42.

Received: January 10, 2023

Accepted: April 28, 2024

Authors' information:

Maria N. Yashina — PhD in Sociology; mnya@mail.ru

Evgenia V. Shishkina — PhD in Sociology; zhenjash@yandex.ru

Konstantin Yu. Belousov — PhD in Sociology; beloysov@mail.ru